ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

5

2002

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В знойный полдень на разморенном жарой хуторе вдруг объявился коробейник — энергичный юноша в галстуке, с полной сумкой «фирменной» домашней мелочовки: «Только сегодня, наша фирма, в честь юбилея…»

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
В ПОЛДЕНЬ

Лето у нас — жаркое и даже больше того — знойное. В полуденный час порою там и здесь зыбится марево. И потому, когда однажды на хуторе знойным полуднем сидели мы в тени за столом и объявился вдруг молодой человек в белой рубашке и галстуке, в черных брюках и черных же башмаках… Когда он, будто с неба упав, открыл калитку и сразу же начал речь, ослепив белозубой улыбкой: «Здравствуйте! Сегодня наша фирма проводит юбилейную распродажу со значительной скидкой!» Я глазам не поверил. Может, жаркое марево?..

Нас было трое: хозяйка двора Валентина, супруг ее Тимофей — мой товарищ, да я — гость нередкий. Только что отобедали. Сидели, разморенные едой, жарой. И вдруг:

— Разрешите предложить вам товары со скидкой! Только сегодня, наша фирма, в честь юбилея…

Я не верил глазам.

В Москве — понятно. От них прохода нет, от этих молодцов: «Здравствуйте! — с белозубой улыбкой. — Сегодня наша фирма в честь десятилетнего юбилея проводит распродажу со скидкой…» И норовят всучить какую-нибудь ерунду. «Спасибо, спасибо…» — обычно говоришь им и — ходу.

В Волгограде, по летнему времени, та же песня: «Сегодня наша фирма…» Ребятки — на подбор: белая рубашка, галстучек, черные брюки.

Знаем мы эти «скидки»: море словес, замажут глаза и всучат ненужное и втридорога. Но это — Москва, Волгоград. А здесь… Я даже головой мотнул. Может, придремалось, пригрезилось. Далекое глухое селенье. Сюда и дороги нет, одни лишь колдобины. А он — вот: из жаркого марева ли соткался, а может, с парашютом… Белая рубашка и галстук, аккуратный пробор на голове, черные брюки. Тут в шортах да шлепанцах на босу ногу жарко. А он…

— Только сегодня наша фирма в честь юбилея предлагает…

Глядели на чудо-гостя, глазам не веря. Да что мы. Сторожкая собака Пальма от удивления пасть разинула и замерла.

На правах человека городского, виды видавшего, я проговорил всегдашнее:

— Спасибо, спасибо… Ничего не надо…

Но молодой человек уже выкладывал из объемистой сумки сияющие наборы столовых ножей с надписью «Золинген», яркие,

пластмассовые терки, шинковки, что-то еще…

Мой товарищ глядел на этот развал снисходительно. Ему ведь и вправду в хуторском житье ничего не нужно. Все есть. К тому же он — тоже городской человек, а еще — скептик, не любит обманов.

— Золинген, Золинген… — проговорил он снисходительно. — Это все брехня, лишь хлеб резать. А вот я ножи делаю…

Товарищ мой — человек рукастый, он все может. И ножи. В бытность заводскую и теперь. Из настоящей стали, с наборными пестрыми ручками. Столовые ножи, секачи и, конечно, рыбацкие.

— Я такой Золинген…

Он любит рассказывать. Что и понятно при хуторском житье. Тем более новый человек объявился.

— Нет, нет! — горячо возразил ему нечаянный гость. — Наша фирма продает только качественный товар! Сегодня, в честь юбилея… — Он выкладывал и выкладывал, опорожняя объемистую сумку.

Простецкий, некрашеный обеденный стол радужно засиял красочными этикетками, никелем и пластмассой.

— Аппарат предназначен… — привычно тараторил наш коробейник. — В магазинах его цена двести рублей, наша фирма в честь юбилея предлагает…

Гость улыбкой сиял, словами сыпал, убеждая. Но в какой-то момент, по нашему равнодушию, он, видимо, начал понимать тщету надежд своих, стал гаснуть.

И в самом деле, не нужны были в этом дворе ни ножи, ни терки, ни прочее. У хозяев — своя машина, в город часто наведываются. Да и чем завлечешь людей пожилых и поживших? Все это, кажется, поняв, торговец сник и смолк.

— Мое дитё… — пожалела его сердобольная Валентина. — Ты откуда взялось? По такой жаре. Садись в тенек. Молочка тебе кисленького или холодного кваску? А может, чего похлебаешь?

Молодой человек послушно уселся, квасу попросил, но выпил немного, на вопрос ответив:

— Нас привезли. В ту деревню, а меня в эту… — И завел было прежнюю пластинку: — Наша фирма в честь юбилея…

Но хозяйка его остановила:

— Фирма твоя… Мучают детей по такой жаре. Кто у тебя чего возьмет? Тут одни старики. Ни у кого и денег-то нет.

Хутор и вправду глухой, доживающий. Колхоза нет и работы — никакой. Лишь пенсии, рубли да копейки на хлеб. Кому тут нужны ножи золингеновские. Галди не галди, хоть разбейся, не всучишь.

Молодой человек квасу выпил, и сразу его пот прошиб. Побегай по такой жаре да в такой амуниции. Лицо его, волосы были припудрены пылью. Белая меловая пыль покрывала рубашку, серея на вороте; брюки припорошены, черные башмаки и вовсе.

Но рассиживаться он не стал. Поднявшись, собирал и складывал в сумку свои товары.

— Погоди! — остановила его хозяйка, поднимая глаза на мужа. — Давай хоть какую-нибудь турунду купим.

— Зачем тебе?

— Дите в такую даль мучалось, по жаре… Начальство ругать будет, что не продал. А чего тут продашь, кому? Ты у кого уже был?

— Крайние три дома прошел, но там…

— Старый Шахман, Шура… Из них покупальщики. Лишь ноги бил… Не сепети… — попыталась она остудить нетерпение молодого торговца. — Может, рыбки покушаешь? Целый день на ногах…

— Нет, нет! — отказался гость. — Надо обязательно все дома обойти. Обязательно должен продать. Нас специально…

Он уже был готов к дальнейшему бегу, к движенью по дремавшему в летнем зное хутору, где его вовсе не ждали. Разве что дворовые собаки?

— Погоди… — снова остановила хозяйка с приговором. — Мучают детей. Погоди… Чего ноги зря бить. Давай подумакаем. К куме Шуре либо зайти? посоветовалась она с мужем. — Они двух овечек продали. К Володе? А к Зарецким не надо. Они еще кобеля спустят. Может… Мучают детей в такую даль… да в такую жару… Казня… Как тебе ловчей подсказать…

— Пойди да отведи, — подначил ее насмешливый супруг.

— Взаправди! — не поняв шутки, на ноги поднялась хозяйка. — Он и к куме не пройдет, там Роза ощенилась, злющая, на всех кидается.

Хозяин открыл было рот, чтобы жену урезонить, но лишь рукой махнул. Разве убедишь?..

И вот они подались. Жаркий полдень. Слепит глаза белая меловая дорога. В пухлой горячей пыли тонет нога. Обомлевший от зноя хутор. Немолодая женщина в белом платке. Отекшие ноги, ход неторопкий. С ней рядом — юноша с картинки или с неба упавший: белая рубашечка, галстук, черные брюки, аккуратный пробор на голове. «Наша фирма в честь юбилея…»

Они уходят. Мы остаемся в тени, у стола. Даже здесь жарко. Знойный полдень. Безветрие. На небе — ни облачка.